

Эмиль Брагинский хорошо известен как писатель и драматург, автор многих знаменитых пьес и киносценариев. Но не все знают, что свой творческий путь Брагинский начинал с шахмат. Остается только удивляться, как он до сих пор не попал в число "Людей и фигур"...

— Эмиль Вениаминович, недавно вы были председателем отборочной комиссии по присуждению актерской премии "Кумир". За лучшую мужскую роль ее получил Евгений Миронов, за лучшую женскую — Татьяна Васильева. А если бы победную премию вам пришлось вручать шахматистам, как бы вы распорядились ею?

— Я бы вручил ее чемпиону мира Гарри Каспарову. Должен похвастаться, что год назад у меня был счастливый день. Каспаров пригласил меня к себе в гости и показал последние партии. А на следующий день спросил по телефону, все ли варианты я запомнил. По моему голосу он догадался, что не все улеглось в моей голове. Тогда он утешил меня: "Не волнуйтесь, я пришлю необходимые варианты по почте". И через несколько дней я получил этот драгоценный сувенир: шахматное письмо, написанное каллиграфическим почерком Гарри Каспарова.

— Теперь вопрос из другой оперы. Как вам удается придумывать такие веселые сюжеты, сочинять такие смешные диалоги?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется вспомнить один шахматный случай. Мальчишкой я бегал на стадион Юных пионеров, знаменитостей там тогда было две — Владимир Симагин (как и полагается вундеркинду, он всегда ходил в бархатной курточке) и Василий Смыслов. Однажды будущий чемпион мира анализировал какую-то из своих партий, и его спросили, почему он поставил коня на данное поле, кажется, это было поле f5. Смыслов удивился: "Но конь стоит здесь так естественно". Это словесное словечко запомнилось мне на всю жизнь. И вот мне кажется, что сочиненные мною реплики, диалоги тоже занимают положенное им место, они вполне естественны. Появляются на бумаге не от расчета, а от чувства.

— А почему вы бросили шахматы?

— Сначала я занимался у Николая Николаевича Рюмина, затем у Михаила Михайловича Юдовича, а первокагорником, уже после войны, — у Александра Александровича Котова. Заметили, какая словесная геометрия имен и отчества? И все же я оставил игру — вовремя понял, что я шахматист бездарный. Мои товарищи по шахматному детству гроссмейстер Юрий Авербах, мастер Михаил Бейлин как обыгрывали меня тогда, так обыгрывают и спустя шестьдесят лет.

— Значит, вы не оправдали надежд?

— Гроссмейстер Сало Флор считал, что у меня, как у игрока, есть будущее. Прошло лет тридцать, и однажды мы играли с Флором — не в шахматы, конечно, а вовсе в карты. Я крупно выиграл, после чего сказал Сало Михайловичу: "Наконец-то я оправдал ваши надежды!"

— Сейчас у вас есть шахматный партнер?

— К сожалению, мой единственный постоянный партнер последних тридцати лет режиссер-мультипликатор Михаил Каменецкий уехал лечиться в Германию, и теперь у меня остался только электронный соперник, который, между прочим, меня часто обижает.

— Чем объясняется ваше пристрастие к французской защите?

— Нет у меня такого пристрастия. Конечно, я мог бы ответить: "Тем, что очень люблю Париж". Но ведь я играю и "сицилианку", хотя никогда не был в Сицилии. Моя любимая страна Италия, но когда мне предлагают сыграть итальянскую партию, я ухожу в сторону и избираю гамбит Эванса. Вот такой запутанный шахматно-географический репертуар.

— Как вы переключились от шахмат к литературному творчеству?

— Первую журналистскую работу я получил именно благодаря шахматам. Однажды мой товарищ Александр Кобленц, будущий тренер Таля, играл в первенстве СССР. В середине турнира он простудился, и очередная партия — с милейшим человеком, гроссмейстером Вячеславом Рагозиным — состоялась в подвале родильного дома, где квартировал Кобленц: времена пятизвездочных гостиниц для шахматных звезд наступают еще очень не скоро. Кобленц выиграл и попросил меня передать информацию в "Советскую Латвию". Я сделал для газеты веселый репортаж, он понравился, и меня взяли на работу.

— И каким способом вы из журналиста превратились в писателя-сатирика?

— В 50-е годы я был корреспондентом "Огонька", и ваш отец, Яков Гик, замечательный человек, который заведовал отделом информации, и Василий Регинин, который заведовал отделом искусства, настаивали на том, чтобы я взялся за более серьезную литературную работу. Наверное, они что-то почувствовали. Тогда-то я и разыграл свой драматургический дебют...

не выиграть, а сделать ничью, однако мирный результат Пырьева не устраивал... Проиграв очередную партию, он схватил шахматную доску и запустил ее в окно вместе с фигурами. По счастью, окно было открыто, а еще по большому счастью, никто не проходил под окном.

А как-то я ехал поездом в Ригу. Зашел в купе и не успел пристроить чемодан, как вслед за мной появился Давид Федорович Ойстрах. Мы обменялись взглядами, и... я побежал к проводнику за шахматами. Бессонная ночь прошла в ожесточенных боях. А на следующий день весь город не мог найти Ойстраха, который отсыпался у меня в гостиничном номере. Однако нарушение режима не помешало ему вечером сыграть концерт, причем сделать это с особым блеском.

— Вы счастливый человек?

— Я бы сказал, удачливый, а иногда приношу удачу и другим. Вот два шахматных примера, связанных с моим другом Марком Таймановым. Лет тридцать назад я заглянул в ЦДКЖ, где шел последний тур чемпионата страны. И в этот момент Тайманов красиво пожертвовал гроссмейстеру Лутикову ладью, выиграл партию и вышел в межзональный турнир. А лет через десять я

— Не устарело ли кое-что из написанного вами, например, "Гараж"?

— Смотря как относиться к этому произведению. У нас в стране фильм шел как остроосцильный, вызвал много отрицательных отзывов в определенных кругах, его даже называли клеветническим. В других же странах, где была поставлена одноименная пьеса, она рассматривалась не как социальная, а как нравственная. И главным антигероем стал персонаж, которого в нашем фильме играл Брондуков, помните, свою первую брачную ночь он провел на собрании гаражного кооператива. Директор рынка никого не интересовал.

— Вы — мастер веселых историй, расскажите что-нибудь на шахматную тему.

— Сейчас попытаюсь вспомнить. История первая. Ко мне на рецензию как-то попала пьеса Александра Котова, моего шахматного учителя, посвященная Алехину. "Напиши, что это оригинальное произведение, — сказал я гроссмейстеру, — только в том случае, если вы мне заплатите". "Сколько?" — насторожился Котов. "Сыграете со мной восемь партий в блиц". Котов вздохнул с облегчением. Однако он рано радовался. Недооценив шахматного потенциала рецензента, Котов проиграл одну из партий и в сердцах смахнул заключительную позицию на пол. По неписанным правилам, которые я помню с детства, фигуры собирает тот, кто их бросил. Однако мне неловко было заставлять Котова нагибаться, и я предложил продолжить игру на полу. Естественно, в конце концов блиц-матч я проиграл, а Котов получил рецензию, с которой он мог спокойно выдвигаться на Нобелевскую премию...

И история вторая. Александр Кобленц не только был видным шахматистом, но и хорошо пел. Однажды во время войны мы с ним посетили госпиталь, где провели альтернативный сеанс одновременной игры (Кобленц то и дело начинал интересную комбинацию, а я ее портил). А после сеанса Алик исполнил неаполитанские романсы. Он был рижанин и владел русским языком не в совершенстве, поэтому в одном романсе вместо слов "Зачем ты тогда зарделась и в тишине шептала мне?" пропел "Зачем ты тогда зарделась...". Успех был бешеный, и Кобленц много раз повторил романс на "бис", причем после этих слов обязательно раздавались бурные аплодисменты. Когда мы покинули госпиталь, я объяснил своему товарищу причину его триумфа. Но он сказал, что пел правильно, поскольку в русском языке нет слова "зарделась". Кобленц и потом часто исполнял этот романс, и всегда со словами "Зачем ты тогда зарделась..."

— Эмиль Вениаминович, вы вписались в новую жизнь?

— Вписался, потому что много работаю.

— А откуда столько сил?

— Оттого, что много работаю. Мой пес — мой самый главный врач, ежедневно он меня гуляет, утром и вечером, и мы обсуждаем с ним насущные проблемы.

Конечно, я не стал сегодня богатым. Но фильмы ставятся. Вот и сейчас молодой режиссер Роман Ершов заканчивает съемки картины по мотивам моей театральной комедии "Лакейские игры". В ней заняты многие любимые актеры: Наталья Гундарева, Ольга Волкова, Анатолий Кузнецов, Олег Янковский, Евгений Моргунов, Сергей Никоненко, молодая актриса Ольга Спиридонова.

Кстати, после десятилетнего перерыва мы с Эльдаром Рязановым снова работаем вместе. Можно было бы сценарий, который мы пишем, так и назвать "Десять лет спустя". Но Александр Дюма использовал это название раньше нас, а получить у него разрешение сложно. Посмотрим, что у нас выйдет. Не люблю загадывать вперед, да это в искусстве и невозможно. Например, ни Рязанов, ни я не могли предположить, что нашу "Иронию судьбы..." будут показывать каждый Новый год вот уже более двадцати лет...

ПИСАТЕЛЬ КОГДА-ТО БЫЛ ШАХМАТИСТОМ

— Спасибо, что вспомнили про отца. Но как же, будучи почти профессиональным шахматистом, вы ни разу не усадили своих героев за доску?

— Мне и самому это странно. Начиная работать над очередной пьесой или сценарием, я всякий раз думаю о том, чтобы вставить шахматный эпизод. Но получается ненатурально.

— А с Эльдаром Рязановым вы встречались за шахматной доской?

— Я бы с удовольствием, но с ним никак невозможно встретиться, поскольку он имеет о шахматах лишь туманное представление.

— С кем же из знаменитых людей вам доводилось играть?

— Список немалый: Сергей Прокофьев, Яков Флиер, Иван Пырьев... Однажды с Иваном Александровичем мы сражались вот в этой самой комнате. Играя с ним, я всегда стремился

оказался в Ленинграде и единственный раз в жизни посетил в этом городе шахматный турнир. Я зашел в зал, и на моих глазах Тайманов пожертвовал Карпову коня, затем последовал неожиданный маневр ладьей, и Карпов сдался ввиду неизбежного мата.

— Эмиль Вениаминович, вы, наверное, купаеесь в лучах славы, вас часто узнают на улице?

— Недавно ко мне подошла женщина и восторженно спросила: "Вы — Брагинский?" Я глупо расвел. "Хочу от всей души поблагодарить вас". — "Интересно, — подумал я, — о каком фильме она сейчас заговорит?" — "Я видела вас в программе "Смак", — сказала незнакомка, — вы готовили печеную картошку. И теперь я постоянно пользуюсь вашим рецептом, моя семья довольна". Как видите, печеная картошка гораздо важнее всех моих фильмов.